

Научная статья

УДК 82-31

DOI 10.17223/18137083/87/2

**Архетипическое прочтение
поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»
как попытка постижения авторской стратегии тайны**

Владимир Кириллович Васильев

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

Аннотация

Представлена попытка приблизиться к пониманию загадок поэмы «Мёртвые души» – ее прочтения, основанного на архетипическом подходе. Подчинение алгоритмам сюжета-архетипа об Антихристе заставило Гоголя заняться серьезной разработкой плана «похождений» (биографии) и нравственного облика Чичикова. После кражи средств, предназначенных на строительство храма Христа Спасителя, Чичиков позиционируется автором как противник Сына Божия (отсюда тема Антихриста). Стратегия тайны воплощена автором и в последующей перестройке биографической фабулы в сюжет. Читатель с самого начала не догадывается о демонической природе Чичикова, причинах его приезда в город NN и сущности этого города.

Ключевые слова

Гоголь, загадки «Мёртвых душ», методология литературоведения

Для цитирования

Васильев В. К. Архетипическое прочтение поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» как попытка постижения авторской стратегии тайны // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 16–26. DOI 10.17223/18137083/87/2

**Archetypal reading of the poem “Dead Souls” by Nikolai Gogol:
comprehending the author’s strategy of mystery**

Vladimir K. Vasilyev

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

Abstract

The paper endeavors to unravel the mysteries of the poem “Dead Souls” by employing an archetypal methodological approach developed by the author through numerous works. Gogol started to write the poem without a deliberate plan. Nevertheless, while working, he came

© Васильев В. К., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 16–26

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 16–26

to realize that the portrayal of a hero, someone who purchases deceased souls, could only be depicted in an anti-Christian manner. In adherence to the algorithms of the archetype plot concerning the Antichrist, the author was compelled to undertake a thorough development of the “adventures” (biography) and moral character of Chichikov. The author positions the hero solely as an adversary of the Son of God through the involvement in the commission for the construction of the Cathedral of Christ the Savior and the theft of funds for its creation. It is due to this fact that Gogol dressed Chichikov in a tailcoat, “woven” from sparks, flames, and smoke. The strategy of mystery is also embodied in the subsequent transformation of the biographical fable narrative into a plot narrative. The exceptional power of subordination inherent in the (binary) archetype of Christ and Antichrist manifested itself in the transformation of Gogol’s life through the psychoanalysis of the hero’s pathologies, reshaping his internal reality. He takes the path of Christ-imitation. This holds the key to unraveling the mystery of the poem and provides insight into the author’s message.

Keywords

Gogol, the mystery of “Dead souls”, methodology of literary criticism

For citation

Vasilyev V. K. Archetypal reading of the poem “Dead Souls” by Nikolai Gogol: comprehending the author’s strategy of mystery. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 16–26. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/2

1. Поскольку настоящее издание посвящено памяти Виктора Георгиевича Одинокова, хочется выразить благодарность Учителю за то, что его лекции и работы являли пример впечатляющего профессионализма, неустанности научного поиска, ответственности ученого за сказанное слово. Высота планки, продемонстрированная Виктором Георгиевичем, показывала студентам, насколько это серьезно, невероятно сложно и увлекательно – заниматься анализом текста! Нет сегодня и Елены Ивановны Дергачевой-Скоп... Елена Ивановна предложила мне научную тему: «Типология жанра жития». Думаю, не ошибусь, если скажу, что Виктор Георгиевич в своих научных интересах был именно типологом. Так два Учителя определили область и методологию моих начальных изысканий. В итоге эти изыскания а) *вывели меня на открытие структурных универсалий, пронизывающих тексты русской литературы на всем протяжении ее развития – с момента появления первых сочинений до дня текущего*, б) *значительно усложнили методологию анализа*.

Полученные результаты всякий раз *обязывают* строить рассуждения в определенных границах. Начинать приходится с объяснения, что представляет собой метод, он же технологический аналитический комплекс. В него входят структурные сюжетные модели и соответствующие им ряды *разно-тождественных* текстов. Обоснованием для их построения служит не только типологическая теория, но и учение К. Г. Юнга о коллективном бессознательном (инстинктах и архетипах), типологическое и психоаналитическое по своей природе. Центральный архетип в названном комплексе – (сюжет-)жизнеописание Христа и Антихриста. Основной источник для построения модели жизнеописания Христа – Евангелие. Проблема жизнеописания Антихриста заключается в том, что оно никогда и никем не написано, не существует в подобном цельном виде. Однако имеется солидная источниковая база (тексты Нового Завета, сочинения Отцов Церкви, апокрифы и народные легенды) для его реконструкции¹. Выясняется, что *такая реконструкция насущно необходима, поскольку сюжет об Антихристе порождает*

---

¹ Реконструкцию см., например: [Васильев, 2009, с. 29–36].

ет трудно исчислимое количество литературных сюжетов-аналогов и в принципе моделирует (бессознательное) пространство зла. Без понимания механизма его функционирования невозможно построить научную историю русской литературы. Именно здесь и формулируется ответ на вопрос: почему приходится обращаться к концепции К. Г. Юнга, а не других психоаналитиков? Позднее К. Г. Юнгу принадлежат слова: «Я предпочитаю термин “бессознательное”, хотя знаю, что могу с тем же успехом говорить “Бог” или “демон” <...> “мана” [психическая энергия], “демон” и “Бог” – синонимы “бессознательного”» [Юнг, 1998, с. 409]. Ученый не мог обойти вниманием и фигуры Христа и Антихриста. В частности, он писал: «Раннее христианство с непогрешимой логикой противопоставило Христу Антихриста. Ибо как можно говорить о “высшем”, если нет “низшего”, о “правом”, если нет “левого”, о “хорошем”, если нет “плохого”? <...> Приход Антихриста <...> это непреложный психологический закон» [Юнг, 2019, с. 82, 60]. (Увы, но нет возможности развивать эту тему.) Таким образом, то, с чем пришлось столкнуться мне, и то, о чем говорит К. Г. Юнг, образует сферу синонимии. В данном совпадении я бы выделил несколько существенных аспектов. К. Г. Юнга часто упрекают в размытости и спорности рассуждений. Литературоведческий метод / структурно-типологический операционализм придает строгую зримость, формально-логическую воплощенность сюжету-архетипу о Христе и Антихристе / Боге и демоне. А вся описанная мною система (вместе с хронологически упорядоченными типологическими рядами) позволяет устранить аморфность применительно к построениям К. Г. Юнга – в этой части она верифицирует его учение, переводит его из разряда гипотезы в разряд научной теории. Это во-первых. Во-вторых, архетип Христа и Антихриста предстает как цельность – бинарная система, в которой «сакральное» не существует без «демонического». Об этом, т. е. о поиске цельности, нельзя забывать при анализе текстов. В-третьих, рассматриваемые образы-феномены вводят в сферу познания глубинных психологических законов. Им подчиняется и творчество – психология литературных героев, автора и, несомненно, читателей. Также рационально-нигилистически настроенные коллеги и читатели упрекали и упрекают К. Г. Юнга в мистицизме. Между тем в христианстве мистика – это тайна человеческого духа. В литературоведении она сводится к проблеме анализа образа-характера. Если угодно, основной психологический закон видится в том, что «конструкты» Бога и демона (в различных ипостасях последнего) образуют глубинную, скрытую основу человеческой психики. Психологическая сфера архетипа Антихриста представлена по отношению к архетипу Христа как опрокинутое пространство – антимир, в котором «всё наоборот».

В целом речь идет о «выработке нового метода научного мышления» [Лотман, 1994, с. 25], именно о структурализме (можно оставить данный термин, хотя он явно недостаточен). Однако выглядит этот реальный структурализм куда сложнее, чем представлялось искренне уважаемому Ю. М. Лотману.

2. В творческом процессе функция ментальной сущности, именуемой архетипом Бога и демона / Христа и Антихриста, – текстопорождение. Природа литературной текстуальности определяется изначальной формой *двух жестко структурированных антиномичных сюжетов-жизнеописаний*, говоря иначе, произведение разворачивается по заложенной в него психоаналитической программе. Естественно, она всякий раз варьируется в зависимости от внутренних (собственно литературных) и внешних (социально-исторических) обстоятельств. Как любая программа такого рода, она подчиняет себе того, кто ее воплощает. В связи

с этим при анализе приходится сталкиваться с парадоксальными на первый взгляд ситуациями.

2.1. В качестве примера я возьму поэму Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Представляется, что сколько ни пытайся ее анализировать, результат будет в той или иной степени неполноценным, пока мы не разберемся в архетипических законах построения «сюжета о Чичикове» и не дополним его... «сюжетом о Гоголе». «Я начал было писать, – признавался автор, – не определив себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой <...> на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выразить собою такое-то явление? <...> что нужно делать, когда приходят такие вопросы? Прогонять их? Я пробовал, но неотразимые вопросы стояли передо мною <...> Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана, вполне определительного и ясного»² (Гоголь, 2009, т. 6, с. 223).

В итоге план, который Гоголю приходилось уточнять и совершенствовать до самого завершения первого тома, в целом и в деталях *явился воплощением стратегии тайны*. И настолько успешным воплощением, что на протяжении вот уже более 180 лет беллетристы и ученые *говорят о загадках поэмы, о том, что она не прочитана*.

При знакомстве с произведением мы плохо понимаем, кто такой Чичиков, что такое город NN, зачем он туда приехал и пр. Добравшись до одиннадцатой главы, мы, конечно, узнаем, что благодаря подсказке секретаря опекунского совета в голове героя сложился «странный сюжет» (Гоголь, 2009, т. 5, с. 233)³ – купить мертвых душ, заложить их как живых «по двести рублей за душу» (с. 232). Для осуществления задуманного Павел Иванович и отправляется в город NN. Но всё равно многое остается неясным. Между тем *архетип как предварительно расшифрованный сюжет и язык описания позволяет декодировать любой порожденный им текст*. (Конечно же, несмотря на точную оптику и строгость алгоритма сюжета-архетипа, недочеты и ошибки возможны всегда.)

С моей точки зрения, для того чтобы приблизиться к раскрытию тайн поэмы (реализовать *первейшее условие работы с любым литературным произведением – прочитать и понять*), необходимо восстановить фабулу – выстроить жизнеописание Чичикова в хронологическом порядке. Гоголь начинает с истории родителей / рождения и воспитания Павлуши, затем следуют отъезд в город, учеба в училище, служба в казенной палате за ничтожное жалованье – «тридцать или сорок рублей в год» (с. 221), эпизод с обманом повытчика и его дочери, добыча «хлебного местечка» (с. 223), участие в комиссии «для построения какого-то казенного весьма капитального строения» (с. 224), служба на таможне, работа поверенным, которая и свела его с секретарем опекунского совета. Изложи Гоголь события в таком порядке, не было бы не только никакой тайны, но и самой поэмы. Герой вышел бы вполне понятным, а повествование скучным, поскольку пропала бы интрига. Так что надо отдать должное мастерству автора: перестройка фабулы в (тайнственный) сюжет является частью плана построения поэмы. Хотя стратегия тайны указанной перестройкой далеко не исчерпывается.

---

² Курсивом здесь и далее, кроме специально оговоренного случая, выделено мною. – В. В.

³ Далее текст «Мертвых душ» цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Кто, куда и зачем въезжает? Прежде чем появиться в городе NN, Чичиков пожил и в провинции, и в Москве. С момента, как отец, оставляя сына в городе, дал ему «умное наставление»: «угождай учителям и начальникам» и «больше всего храни и береги копейку» (с. 217, 218), тот старательно воплощал его в жизнь. Карьеру чиновник «средней руки» строил исключительно за счет лжи и взяток, каждое место и любой служебный «проект» он превращал, говоря языком юридическим, в источник незаконного обогащения. (Цензоры, обсуждавшие поэму, не могли не определить «предприятие Чичикова» иначе, как «уголовное преступление» (Гоголь, 2009, т. 12, с. 8). Читатель знает, что оно далеко не единственное.) Решиться на дела, которым «свет дает название *не очень чистых*» (с. 234) (курсив оригинала. – В. В.), Павлу Ивановичу было не так уж просто. «Самый трудный порог, через который перешагнул он», – обман «невесты» и понытчика. «С этих пор пошло легче и успешнее» (с. 223). Однако было в его жизни событие, с точки зрения автора, куда более значительное. Читатель совершенно не обращает на него внимания, между тем упустить данное событие никак нельзя. Речь идет о работе Чичикова в комиссии «для построения какого-то казенного весьма капитального строения». В одной из ранних редакций Гоголь сказал несколько определеннее – об участии в комиссии «постройки Храма Божия» (Гоголь, 2012, с. 391–392, 698). Конкретно же Гоголь включает в поэму скандальную, уголовную историю строительства Храма Христа Спасителя по первоначальному проекту А. Л. Витберга. Гоголь сообщал матери (в письме от 10.02.1831), что комиссия была «уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками» (Гоголь, 2009, т. 10, с. 151). В итоге Храм не был построен, а у проворовавшихся «строителей» очутилось в Москве «по красивому дому гражданской архитектуры». Чичиков «оказался одним из деятельнейших членов» (с. 224) комиссии. В тюрьме он признается Муразову: «Вот под три<ста> тысяч было капиталу. Трехэтажный дом был уже» (с. 469). Документальный в своей основе эпизод с комиссией позволил автору выразить сущность образа-характера, проявить внутреннюю природу героя-«подлеца» / «хозяина, приобретателя» (с. 234). Делает это он не только через поступки, но и через костюм Павла Ивановича. «Тут только (!) долговременный пост наконец был смягчен», Чичиков завел «кое-какие излишества», в частности «уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния⁴, и с этих пор (!) стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою» (с. 224). В 1, 2 и 7-й главах читатель видит героя, облаченного во фрак «брусничного цвета с искрой» (с. 15, 22, 148). В сохранившихся главах второго тома Чичиков выбирает то же сукно, при этом Гоголь дополнительно уточняет его цвет «наваринского дыму с пламенем» / «пламени с дымом» (с. 341, 350, 351–354, 458 и др.). Как видим, история с Храмом четко определила место Павла Ивановича по отношению к Христу – против! И он тут же был облачен автором во фрак, сотканный из искр, пламени и дыма! Этот и множество других поступков Чичикова отвечают на вопрос автора, «кто же он относительно качеств нравственных?» (с. 234). Отсюда и пассаж, свидетельствующий о незаконнорожденности Павлуши: «Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне <...> лицом он на них не походил <...> “он родился просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца”» (с. 216). Данный мотив отождествляет Чичикова с противником Сына Божия, незаконнорож-

---

⁴ Отмечу эту выделенность Чичикова по костюму, т. е. своего рода уникальность героя, среди губернского населения.

денным Антихристом⁵. Отсюда уподобление героя Наполеону-Антихристу (см. с. 198–200), а также слухи между раскольниками, что «народился антихрист, который и мёртвым не дает покоя, скупая какие-то мёртвые души» (с. 360, 476), или мнение начальства, «что это был чёрт, а не человек» (с. 227) и т. п.

Итак, Гоголь перестраивает фабулу, начинает повествование не с истории родителей, не с рождения, а с приезда героя, находящегося уже в средних летах, в губернский город NN (читай: в Россию). В начальном эпизоде мы видим брочку, в которой сидит не понять кто: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод» (с. 9). Неведомый приезжий представлен как герой всеохватный, синтетический, вмещающий в себя множество неназванного населения города NN: «отставных подполковников, штабс-капитанов, помещиков, имеющих около сотни душ крестьян, словом всех тех, кого называют господами средней руки». (Ср. с Хлестаковым: «Я везде, везде».) Далее мы слышим разговор двух мужиков о колесе, которое доедет в Москву, но не доедет в Казань. Потом видим вроде бы молодого человека, но на самом деле лишь его отсутствие – перед нами исключительно тряпье: панталоны, фрак, картуз и булава. В довершение появляется половой, вертлявый «до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо» (с. 9). Все эти четыре фрагмента говорят об одном: об отсутствии – лица, образа, смысла. О празднословии и пустоте! (Ср. гоголевское объяснение замысла первого тома: «Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие <...> Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно <...> Смерть поражает нетрогающийся мир» (с. 502)). Таковы будут и все остальные герои, двойники Чичикова. Например, тот же добряк-губернатор, «который подобно Чичикову был ни толст, ни тонок» (с. 14), умеет... вышивать кошельки и по тюлю. Вероятно, за это он и награжден государственным орденом. (Сколько у нас было и есть подобных губернаторов?)

В трактире приезжий заставил слугу «рассказывать всякий вздор». *«Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, словом – не пропустил ни одного значительного чиновника; но еще с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках, сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живет от города, какого даже характера и как часто приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство»* (с. 11–12).

Я выделил курсивом то, что, как показывает практика, опять же не замечается читателем. Кто въехал и зачем?

В «сборный город» – в царство смерти, в ад въехал черт, антихрист в одеянии из искр, пламени и дыма, без-ликий и без-образный. (Нечисть не имеет лица, она легитимизируется, входит в мир и действует через личины, маски и лжериторiku. Это прямо о Чичикове, способном «обворожить нужного человека» [Смирнова-Чикина, 1974, с. 58].) Приезжий имеет в голове коммерческий план / тайный, преступный сценарий. В этом смысле герой – манипулятор и игрок, подменивший

---

⁵ О топосе незаконнорожденности в сюжете-архетипе об Антихристе см.: [Васильев, 2009, с. 31–32, 153].

жизнь своеобразным театральным действием. Для осуществления сценария ему нужно завязать знакомства с чиновниками города и владельцами душ, помещиками. (Кто же не знает, что в России связи с первыми лицами решают все вопросы?) Приехал человек, пронизанный своеобразной некрофилией – любовью к смерти, жадной ее. Ему надо, чтобы в губернии (напомню: символизирующей Русь!) было как можно больше убийственных событий. Смерть и нажива от ее плодов – единственное, что вызывает в Чичикове предельно сильные чувства. Приступая к делу, он вдохновлен тем, что *«время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, славу Богу, немало»* (с. 232). Услышав от Манилова, что купчую тот берет на себя, степенный Павел Иванович «чуть не произвел даже скачок по образцу козла, что, как известно, производится только *в самых сильных порывах радости*. Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку» (с. 37). Услышав от Собакевича о существовании Плюшкина, у которого люди мрут как мухи, Чичиков *«даже почувствовал небольшое сердечное биение»* (с. 97). Он едва скрывает радость, услышав от самого Плюшкина, что горячка выморила у него «со дня подачи последней ревизии» (с. 119) до ста двадцати душ. Веселие от смерти, от ее обилия, от неустройства жизни охватывает Павла Ивановича после выгодной сделки. *«Герой наш <...> был в самом веселом расположении духа. Такое неожиданное приобретение было сузаций подарок <...> не только одни мертвые души, но еще и беглые, и всего двести с лишком человек!* Конечно, еще подъезжая к деревне Плюшкина, он уже предчувствовал, что будет кое-какая пожива, но такой прибыточной никак не ожидал» (с. 127). Радость приобретателя так велика, что приводит его в несвойственное ему состояние – он заиграл и запел. «Всю дорогу он был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами, приставивши ко рту кулак, как будто играл на трубе, и наконец затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и потом, покачав слегка головой, сказал: “Вишь ты, как барин поет!”» (с. 127).

Таким образом, Чичиков в начале поэмы явлен как воплощение «нечистой силы», персонаж «с прошлым». Естественно, что читатель ни о чем подобном догадаться не может. Что же касается архетипа как программы, то она требует от автора встать на точку зрения Бога в отношении к героям и творимому миру. Если это антимир, то любой органически соответствующий ему персонаж находится в метафизическом конфликте с Божественным мирозданием. Соответственно сам антимир выступает как его отрицание. Гоголь эту программу осуществил.

2.2. Попытка прочтения гоголевской поэмы через архетип Антихриста показывает, что автор дал нам все разгадки в самом тексте. Иначе и быть не может (и не только в данном случае).

Стратегия тайны воплощена Гоголем 1) в виртуозной перестройке фабулы в сюжетное повествование, 2) а также в приемах кодирования образа-характера главного героя по законам архетипики – создания психотипа, воплощающего демоническую идентичность. Все соответствующие мотивы, психологемы и символы сведены автором в единую систему (нет возможности ее рассмотрения). Если читатель и видит отдельные элементы, то понимание целостности ему не дается.

Обдумывая (фабульную) историю походов Чичикова, Гоголь создал условия для перекодировки образа героя – эпизод с Храмом Христа Спасителя позволил облачить его в одеяние демона. Эта мистическая визуальность дала возможность при воплощении окончательного плана перекодировать само пространство поэмы – заключить его в границы символического мертвого города NN – и насе-

лить его двойниками Чичикова. В общем-то, автор сделал всё для того, чтобы поколения читателей было максимально трудно разобраться в семантике текста.

Метафизическое измерение гоголевской действительности не переводится в реалистический план. Конечно же, можно пытаться представить описанное в «Мёртвых душах» в виде картин реальной жизни, однако, как мы видим, имеется препятствие, делающее эту попытку неудачной, неадекватной замыслу. (Любая театральная постановка или экранизация поэмы обречена быть своего рода пародией на оригинал. Первый вопрос: как показать въезд демона в одеянии из искр, пламени и дыма в царство смерти? Никак!) Иногда исследователи пытаются это по-своему выразить. «Вместо России он изобразил нам Атлантиду» [Анненский, 1979, с. 224], – утверждал И. Ф. Анненский. В. В. Набоков не мог понять, «какой надо иметь склад ума, чтобы увидеть в Гоголе предшественника “натуральной школы” и реалистического живописания русской жизни». В поэме он усматривал плоды воображения автора, «его ночных кошмаров, населенных выдуманными им, ни на что не похожими существами» [Набоков, 2010, с. 58, 33]. Не думается, что авторы подобных высказываний окончательно правы. Ведь поэма написана Гоголем с установкой отобразить жизнь «в ее действительности, а не в мечтах воображения» (Гоголь, 2009, т. 6, с. 228). Мы не найдем никакого парадокса в данной установке, если определим «Мёртвые души» так, как, на мой взгляд (вполне согласующийся со взглядом Гоголя), их следует определить: это *классическое психоаналитическое произведение*, «дело, взятое из души, и вообще душевная правда» (Гоголь, 2009, т. 6, с. 83).

Пример Гоголя показывает, насколько мощным является воздействие архетипа как бессознательной преобразующей программы на творческую личность. Эта программа принудила автора не только долго и мучительно искать и выстраивать совершенно определенный план повествования, но... изменила его внутренний мир и жизненный путь! Дела Чичикова обращают мир в «царство Антихриста»⁶, в ад, в котором он, вечный неудачник, бесконечно кружится в погоне за миражными целями. Гоголь же *был принужден* отторгнуть ад и «душевную» смерть и искать дорогу прямо противоположную. «Анализ над душой человека (!) таким образом, каким его не производят другие люди, был причиной того, что я встретился со Христом». Данный анализ он называл «арифметическим расчетом»: «складываю просто, не горячась и не торопясь, цифры, и выходят сами собою суммы» (Гоголь, 2009, т. 14, с. 79, 80). В этих признаниях заключен, пожалуй, главный итог работы автора над поэмой. Неизбежен вывод, что еще одним ключом и дополнением к «Мёртвым душам» служит жизнеописание Гоголя, история преобразования светского писателя в проповедника и пророка⁷. Она заключена в письмах, мемуарах, лирических отступлениях и других источниках, ее надо изучить заново, поскольку загадки поэмы без этого разгадать невозможно. (Напомню о целостности бинарной природы архетипа и необходимости дополнить «сюжет о Чичикове» «сюжетом о Гоголе». Это отдельная масштабная проблема; частично об этом см.: [Васильев, 2010].)

⁶ Не случайно структура гоголевского нарратива идеально встраивается в контекст других повествовательных циклов, описывающих «царство Антихриста» – см., например: [Васильев, 2011].

⁷ В оппозиции Христос – Антихрист, воплотившейся в концепции поэмы, видится надуманность рассуждений о работе над ее продолжением по плану Данте. В этом я полностью согласен с В. Г. Одиноким. Гоголевский текст не дает *никаких оснований* говорить о наличии такого плана. См.: [Одинок, 2003, с. 96–98].

Автору пришлось осознать архетипическую программу до конца. Когда Гоголь строил планы продолжения поэмы, то не понимал, что второй том / воскресение Чичикова и обитателей города NN невозможно. Найти и изобразить единичного «положительного героя» не составляло ему никакого труда. Однако невозможно преобразовать Антихриста в Христа, «коллективного демона» в творца. Неосуществима задача воскресить мертвецов, если они не хотят воскресать. Уничтожение второго тома было закономерным. И это далеко не проходное событие в русской истории. Именно истории! За ним стоит приговор Гоголя современному антихристианскому человеку и миру!

«Дух ваш мертв, и глаза ваши пусты, и дела ваши – дела лжи и смерти» – вот, собственно, тот смысл, который мы можем сегодня извлечь из гоголевской поэмы. Он обращен и к современникам, и к нам, потомкам. История его подтвердила. Сегодня Чичиков, действительно, овладел всем миром. А «запрос» Гоголя, обращенный внутрь души каждого из нас: «нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» – самый страшный запрос русской литературы.

Список литературы

Анненский И. Художественный идеализм Гоголя // Анненский И. Книги отражений. М.: Наука. 1979. С. 216–225.

Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени: Монография. Красноярск: СФУ, 2009. 260 с.

Васильев В. К. Творчество позднего Гоголя в свете сюжетики Курбского и Аввакума // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 8. С. 106–112.

Васильев В. К. Чичиков и Гоголь. Статья вторая. Разгадка и «великий перелом» // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 39–46.

Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10–263.

Набоков В. Николай Гоголь (1809–1852) // Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 43–112.

Одинокое В. Г. Русские писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск, 2003. 262 с.

Смирнова-Чикина Е. С. Поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Комментарий. Л.: Просвещение, 1974. 319 с.

Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: АСТ-ЛТД; Львов: Инициатива, 1998. 480 с.

Юнг К. Г. Эон. Исследования о символике самости. М.: АСТ, 2019. 352 с.

Список источников

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7, кн. 1: Мёртвые души. Поэма. 804 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М., 2009. Т. 5: Мёртвые души. 680 с.; Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. 744 с.; Т. 10: Переписка 1820–1834. 392 с.; Т. 12: Переписка 1842–1844. 704 с.; Т. 14: Переписка 1847. 392 с.

References

- Annenskiy I. Khudozhestvennyy idealizm Gogolya [Gogol's artistic idealism]. In: Annenskiy I. *Knigi otrazheniy* [Books of reflections]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 216–225.
- Lotman Yu. M. Lektsii po struktural'noy poetike [Lectures on structural poetics]. In: *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Y. M. Lotman and Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow, Gnozis, 1994, pp. 10–263.
- Nabokov V. Nikolay Gogol' (1809–1852) [Nikolay Gogol (1809–1852)]. In: Nabokov V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2010, pp. 43–112.
- Odinokov V. G. *Russkie pisateli 19 veka i dukhovnaya kul'tura* [Russian writers of the 19th century and spiritual culture]. Novosibirsk, 2003, 262 p.
- Smirnova-Chikina E. S. *Poema N. V. Gogolya "Mertvye dushi". Kommentariy* [Gogol's poem "Dead souls". Commentary]. Leningrad, Prosveshchenie, 1974, 319 p.
- Vasil'ev V. K. Chichikov i Gogol'. St. vtoraya. Razgadka i "velikiy perelom" [Chichikov and Gogol. Article Second. The solution and the "great turning point"]. *Siberian Journal of Philology*. 2010, no. 4, pp. 39–46.
- Vasil'ev V. K. *Syuzhetnaya tipologiya russkoy literatury 19–20 vekov. Arkhetipy russkoy kul'tury. Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: Monografiya* [Plot typology of Russian literature of the 19–20 centuries. Archetypes of Russian culture. From the Middle Ages to the New Time: Monograph]. Krasnoyarsk, SFU, 2009, 260 p.
- Vasil'ev V. K. Tvorchestvo pozdnego Gogolya v svete syuzhetiki Kurbskogo i Avvakuma [The work of late Gogol in the light of the plot of Kurbsky and Avvakum]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, no. 8, pp. 106–112.
- Yung K. G. *Eon. Issledovaniya o simvolike samosti* [Eon. Research on the symbolism of the self]. Moscow, AST, 2019, 352 p.
- Yung K. G. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, dreams, reflections]. Moscow, AST-LTD, Lviv, Initsiativa, 1998, 480 p.

List of sources

- Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t.* [Complete collection of works and letters: In 23 vols.]. Moscow, Nauka, 2012. Vol. 7, bk. 1: *Mertvye dushi. Poema* [Dead souls. Poem], 804 p.
- Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t.* [Complete collection of works and letters: In 17 vols.]. Moscow, 2009. Vol. 5: *Mertvye dushi* [Dead souls], 680 p.; Vol. 6: *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [Selected passages from correspondence with friends.], 744 p.; Vol. 10: *Perepiska 1820–1834* [Correspondence 1820–1834], 392 p.; Vol. 12: *Perepiska 1842–1844* [Correspondence 1842–1844], 704 p.; Vol. 14: *Perepiska 1847* [Correspondence 1847], 392 p.

Информация об авторе

Владимир Кириллович Васильев, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Information about the author

Vladimir K. Vasilyev, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of journalism and literary studies of the Institute of Philology and Language Communication of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 01.02.2024
The article was submitted on 29.01.2024;
approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 01.02.2024*